

УДК 81'367

КОНСТРУКЦИИ «БЕЗ АГЕНСА»: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

Ирина Михайловна Некрасова

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой иностранных языков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. nekrasova142008@yandex.ru

Одна из ключевых задач когнитивной лингвистики – изучение семантических компонентов как универсальных единиц, обладающих языковыми и внеязыковыми (ментальными) характеристиками. Освещается опыт исследования, объектом которого являются пассивная форма в английском языке и неопределенно-личное предложение в русском языке. Теоретической основой исследования послужили ситуативная семантика Ч. Филлмора, концептуальная семантическая теория У. Чейфа и когнитивная типология А. Е. Кибрика. Анализ синтаксической семантики охватывает четыре сферы: ролевую (участники ситуации), коммуникативную (тема-рематическое членение), референциальную (человек /предмет/ животное) и дейктическую (участники коммуникативного акта), что позволяет не только объяснить изоморфный характер сопоставляемых конструкций, но и выявить тонкие различия между ними. Особое внимание уделяется тому факту, что наличие подлежащего /агенса характеризует главным образом номинативные языки и не является языковой универсалией. Как следует из статьи, изучение глубинной семантики «безагентных» структур в сопоставительном аспекте заставляет по-новому взглянуть на безличные и неопределенно-личные предложения в русском языке, а также выявить их точки соприкосновения в диахроническом аспекте, что естественным образом приводит нас к проблеме эргативных языков.

Ключевые слова: когнитивная типология; синтаксическая семантика; глубинная структура предложения; пассивная конструкция; неопределенно-личное предложение; пациенс; адресат; эргативная конструкция.

Во второй половине XX в. развитие вычислительной техники и разработка искусственного интеллекта задали новое направление науке о языке. Эпоха структурной лингвистики, область исследований которой ограничивалась «языком в себе и для себя», сменилась новой научной парадигмой, которая нацелена на изучение как языковых, так и внеязыковых знаний, используемых в процессе коммуникации. Одна из ключевых проблем когнитивной лингвистики – изучение семантических компонентов как универсальных единиц, обладающих когнитивными качествами. Традиционная лингвистика всегда испытывала трудность при обращении к семасиологическому уровню языка: значению присущи экстралингвистические признаки, и это обстоятельство нарушало строгость научного описания в рамках различных структурных направлений. Вместе с тем «общение – это прежде всего обмен «значениями», и все в языке подчинено задаче осуществления этого обмена «значениями». Лингвисты ... обнаружили, что они фактически еще не сде-

дали нужных выводов из того обстоятельства, что человек работает, действует, думает, творит, живет, будучи погружен в содержательный (или значимый) мир языка...» [Звегинцев 1965: 386–387]. Изучение семантики неизбежно приводит к привлечению таких понятий, как интуитивное знание языка, наблюдение, интроспекция, языковой опыт, знание о мире и т.п.

Интенсивные исследования семасиологии, начавшиеся с середины 60-х гг. XX в., привели к значительным успехам в области лексической семантики; достаточно вспомнить идею семантических полей Й. Трира, методику компонентного анализа Дж. Катца, экспериментальное исследование семантики русского глагола Ю. Д. Апресяна, «семантические примитивы» А. Вежбицкой, концептуальную метафору Дж. Лакоффа и мн. др. Что же касается синтаксической семантики, то, несмотря на революционные по своему содержанию работы Ч. Филлмора и У. Чейфа, эта область до сих пор остается малоизученной, особенно в аспекте сопоставительной лингвистики.

Считается, что исходным пунктом появления идеи глубинных падежей Филлмора послужила вербоцентрическая концепция Л. Теньера, в которой было сформулировано понятие актантов – зависимых от глагола «сопроводителей действия». Однако не следует забывать и о другой продуктивной теории предложения того времени, выдвинутой чешским лингвистом Ф. Данешем в работе «A Three-Level Approach to Syntax»: подход к предложению как неоднородной, «многослойной» единице, подлежащей анализу а) на коммуникативном уровне как высказывание, или “a singular and individual utterance-event”; б) семантическом – “a part of context and situation”, which “contains concrete lexical items”; в) формальном уровне – “an abstract structure or configuration” [Daneš 1964: 229–230].

Филлмор использует термин *глубинная* (underlying), т.е. семантическая структура предложения, которую следует отличать от *поверхностной*, или формально-грамматической. Под «глубинными падежами» автор подразумевает «выражение синтаксических отношений, независимо от того, отражаются ли они в падежных аффиксах или нет» [Филлмор 1981: 398]. Набор падежей постепенно изменялся; наиболее обширный их список представлен в работе У. Чейфа, который выявил также соответствие наборов семантических ролей (агенса, пациенс, бенефициант, адресат, инструмент и т.д.) и типов ситуаций, описываемых предложениями (состояние, действие, процесс). Не останавливаясь на этом вопросе подробно, заметим лишь, что количество партиципантов ситуации (10 и более) намного превышает количество единиц субъектно-объектного уровня: как фигурально выразился Л. Теньер, «предложение – маленькая драма со своими участниками и обстоятельствами».

Несмотря на то что ни Филлмор, ни Чейф не рассматривают семантику предложения в сопоставительном аспекте, в обеих работах содержится наблюдение о «несравнимости» поверхностных падежных систем [там же: 395] и о сходстве семантических структур различных языков [Чейф 1975: 98]. По Филлмору, в глубинной структуре предложения во всех языках имеется пропозиционное ядро, состоящее из глагола и одной или более именных групп, каждая из которых находится в особом падежном отношении к глаголу. Именно на этом «глубинном» уровне следует искать наиболее явные черты сходства между структурами предложений в разных языках [Филлмор 1981: 445].

В связи с вышеизложенным была выдвинута гипотеза о том, что изучение глубинной семантики предложения в сопоставительном аспекте может объяснить корреляцию различающихся

формально-грамматических структур, которая нередко встречается при изучении иностранного языка или в переводческой практике. Объектом исследования стали пассивная форма в английском языке (АЯ) и неопределенно-личное предложение в русском языке (РЯ), которые считаются с точки зрения типологии «соответствующими» конструкциями [Аракин 1979: 130], ср.:

He was invited to the party. – Его пригласили на вечеринку.

В теоретических и практических пособиях по сравнительной типологии отмечается функционально-стилистический фактор: большой удельный вес пассива в АЯ и ограниченная сфера употребления страдательного залога в РЯ (преимущественно в научной литературе и деловой документации), что и создает предпосылку привлечения неопределенно-личного предложения в качестве средства перевода. Однако традиционная типология, которая придерживается таксономического, но не *объяснительного* подхода, не дает ответа на вопрос: что сближает форму страдательного залога с «бесподлежащим» предложением, сказуемое которого стоит в активе?

Для ответа на поставленный вопрос, в первых, отметим, что теоретической основой для сопоставления пассивной формы и неопределенно-личной конструкции служит точка зрения на залог как синтаксическую категорию, тесно связанную со строем предложения и с понятиями переходности /непереходности глагола [Некрасова 2000: 64]. В этой связи хотелось бы напомнить, что одним из первых в русской лингвистической традиции был А. А. Потебня, кто формулировал понятие залога из отношений сказуемого к подлежащему и дополнению и считал, что возникновение страдательного залога связано с развитием пассивных конструкций предложения [Потебня 1977: 249]. Согласно А. М. Пешковскому, «страдательное», т.е. собственно залоговое, значение выходит за пределы морфологии, т.к. интерпретируется на уровне предложения [Пешковский 1956: 118]. Создатели теории диатез и залогов (А. А. Холодович, В. С. Храковский и др.) также рассматривали залог как синтаксическую категорию. Таким образом, следует говорить не о пассивной форме глагола, а о пассивной конструкции (ПК), поверхностную структуру которой можно сравнить с моделью неопределенно-личного предложения (НЛП) в терминах субъектно-объектных отношений:

ПК	НЛП
S – V pas.	V act. → O

Обратимся к функциональной характеристике ПК и НЛП. Сравним два высказывания: «В неопределенно-личных предложениях *подлежащее*

намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное» [Пешковский 1956: 371]. «Если и есть какая-либо одна функция, общая для всех языков, которым обычно приписывается существование пассивного залога, то такой функцией является *обеспечение возможности построения «безагентных» предложений*» [Лайонз 1978: 401] (в обоих случаях выделено мною. – И. Н.).

Итак, и пассивная, и неопределенно-личная конструкции служат одной цели – исключению из ситуации деятеля (агенса); следовательно, мы можем применить по отношению к ним общее понятие «конструкции без агенса». В этом случае глагол представляет ситуацию как состояние или процесс («Что случилось с X?»), а соотносящийся с ним актант (предмет или лицо, которое находится в определенном состоянии или в процессе изменения состояния) называется пациент, или пациенс [Чейф 1975: 119]. Наш первый вывод согласуется с иерархией когнитивных сфер, которая постулирует высший ранг ролевой сферы:

РОЛЕВАЯ > КОММУНИКАТИВНАЯ > ДЕЙКТИЧЕСКАЯ > РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ, т.е. выделение типовых ролей является наиболее непосредственным способом различения и характеристики аргументов глагола [Кибрик 2003: 94].

Далее остановимся на вопросе о соотношении рассматриваемой семантической структуры и линейной последовательности предложения. Практически все современные исследователи залога подчеркивают его связь с прагматикой, или актуальным членением предложения. «Коммуникативное измерение» является следующим после «ролевого измерения» значимым компонентом семантики предложения [там же: 120–121]. Если семантическая роль характеризует участника на денотативном уровне, т.е. с точки зрения его места в обозначаемой глаголом ситуации, то коммуникативный ранг – это прагматическая характеристика участника, через отношение к фокусу внимания говорящего [Падучева 1998: 94]. Смену залоговой диатезы называют «изменением коммуникативного ранга», или «изменением очередности при дистрибуции новой информации» [Чейф 1975: 252]. Двучленная ПК маркирует переключение внимания говорящего таким образом, что пациенс перемещается из позиции ремы (нового) в позицию темы, т.е. происходит его топиализация. В отношении английского языка с его фиксированной начальной позицией подлежащего можно сказать, что здесь существует четкая корреляция между старой информацией (топиком) в семантической структуре и субъектом в поверхностной структуре, ср.:

*Yesterday he wrote **this letter** (рема). → **This letter** (рема) was written yesterday.*

Что касается НЛП, то в фокусе нашего исследования был анализ позиции пациенса, который представлен в поверхностной структуре предложения в виде дополнения. В качестве материала исследования были использованы оригинальные тексты художественной литературы и их перевод с одного языка на другой, причем анализу подвергались только случаи перевода английского пассива неопределенно-личной конструкцией и наоборот. Обратимся к примерам перевода английской ПК (материалом послужила повесть-притча Дж. Оруэлла “Animal Farm”), иллюстрируя различные виды дополнения в составе НЛП:

– прямое дополнение (форма вин. падежа):

*He **was universally respected** for his steadiness of character and tremendous powers for work. (2) – Его уважали за ровный характер и бесконечное трудолюбие. (234)*

– косвенное дополнение (форма дат. падежа):

*However, these stories **were never fully believed**. (25) – Однако этим рассказам верили отнюдь не до конца. (251)*

– косвенное дополнение (форма род. падежа):

*This **had long been expected**, and all preparations had been made. (26) – Этого ждали давно и заранее хорошо подготовились. (251)*

– предложное дополнение:

*The air was heavy with smell of blood, which **had been unknown** there since the expulsion of Jones. (57) – Воздух пропитался густым запахом крови, от которого на ферме давно отвыкли со времени изгнания Джонса. (273)*

Были отмечены случаи так называемого косвенного пассива, специфической формы в АЯ, когда в позиции подлежащего стоит лицо-получатель, или **адресат**. Косвенный пассив образуется от «трехвалентных» (в терминологии Теньера) глаголов типа *give smth. to smb. / давать что-л. кому-л.*: «Залоговые свойства глагола зависят ... от числа актантов, которые он может иметь» [Теньер 1988: 250]. Таким образом, в глубинной структуре предложения адресат выступает в качестве еще одного актанта, наряду с пациенсом. В русской конструкции-эквиваленте семантическая роль адресата скрыта соответственно за косвенным дополнением, которое занимает первую позицию (пациенс сдвигается в позицию ремы):

*We **are given** just so much food as will keep the breath in our bodies. (3) – Нам дают еды ровно столько, чтобы мы не околели. (235)*

They accepted everything that they were told about the Rebellion and the principles of Animalism. (86) – Они... верили всему, что им рассказывали о Восстании и принципах Анимализма. (294)

10 % отобранных для анализа предложений составили конструкции со значением модальности: модальный глагол + пассивный инфинитив в АЯ и слова *следует, необходимо, нужно, можно* и т.п. + активный инфинитив в РЯ, например:

So it was agreed without further argument that the milk and the windfall apples should be reserved for the pigs alone. (23) – Вот почему без лишних слов было решено: все молоко и падалицу надо сохранять лишь для свиней. (249)

В грамматиках русского языка можно найти разные точки зрения на статус слов *нужно, можно, нельзя* и т.п. В академической «Русской грамматике»-1980 их рассматривали как предикативные наречия с модальным значением, выступающие в функции главного члена однокомпонентного предложения. Некоторые грамматик, вслед за Л. В. Щербой, относят их к словам категории состояния, отмечая, что это «наиболее древний пласт слов, выполнявших безлично-предикативную функцию еще в древнерусском языке» [СРЯ-1986: 222]. В издании под редакцией проф. Е. М. Галкиной-Федорук им придан статус безлично-предикативных модальных слов, которые могут образовывать составное глагольное сказуемое безличных предложений [СРЯ-1964: 424]. Следует отметить, что рассматриваемые «предикативы» существенно отличаются от безличных глаголов, обозначающих явления природы (*Светает*), стихийные явления организма (*Мне больно*) и проч., т.к. они «выражают модально-волевые отношения людей» [там же: 404]. «Скрытым» референтом предложений типа *Следует / нужно всегда говорить правду* может быть любой участник речевого акта: говорящий (*мне нужно*), слушающий (*тебе / вам следует*) или 3-е лицо / лица. Данный прагматический признак сближает этот тип предложений с НЛП; их включение в наш анализ дает возможность провести интересное межъязыковое сопоставление, что особенно немаловажно при решении спорных вопросов синтаксиса. На наш взгляд, в составном глагольном сказуемом типа *можно сказать, необходимо сделать* и т.п. эти модальные слова являются не чем иным, как глаголами в неопределенно-личной форме, и специфика русского языка – отсутствие подлежащего – не должна «заслонять» истинную семантику такого рода предложений, которая хорошо видна при сравнении с другими языками (ср. в нем. яз.: *Die Frage kann jetzt besprochen werden – Это вопрос можно обсудить сейчас*). Аналогичным образом они могут рассматриваться как синонимичные соответствующим пассивным предложениям в РЯ на основании общего признака «отсутствие агенса»: *Задача может быть решена = Задачу можно решить*.

В качестве материала на русском языке была выбрана повесть М. Булгакова «Собачье сердце». Сравнительный анализ выявил аналогичную картину.

– прямое дополнение-пациенс:

Это вас вселили в квартиру Федора Павловича Саблина? (309) – Are you the people who were moved in as extra tenants into Fyodor Pavlovich Sablin's apartment? (28)

– косвенное дополнение-адресат:

Псу достался бледный и толстый кусок осетрины, которая ему не понравилась ... (316) – The dog was given a thick, white piece of sturgeon, which he didn't like ... (36)

– предложное дополнение-адресат:

На следующий день на пса надели широкий блестящий ошейник. (323) – Next day the dog was given a wide, shiny collar. (45)

– пациенс в конструкции с модальным значением:

... если бы за вас не заступались самым возмутительным образом ... вас следовало бы арестовать! (313) – ... if you weren't being protected by certain people in the most disgusting way ... you should be arrested. (33)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что пациенс / адресат, представленный как подлежащее в поверхностной структуре предложения в АЯ, может быть выражен любым видом дополнения в РЯ в зависимости от управления глагола. Также было установлено, что в большинстве случаев (около 80 %) пациенс / адресат занимает начальную позицию или, по крайней мере, предшествует глаголу, т.е. выполняет функцию темы.

Принимая во внимание полученные результаты, можно выразить семантическую структуру «безагентных» конструкций формулой

P (A) ← V (M),

где **V** – глагол, детерминирующий характер актанта;

P – пациенс;

A – адресат, который появляется при наличии «трехвалентного» глагола в качестве второго актанта;

M – модальное значение как факультативное «семантическое приращение» (термин, предложенный Г. А. Золотовой) лексического значения глагола.

Таким образом, несмотря на «несравнимость» поверхностной структуры английской ПК и НЛ-предложения в РЯ (наличие / отсутствие подлежащего и разноталоговые формы), семантические отношения их актантов на глубинном уровне идентичны, точно так же как линейная последовательность актантов соответствует выполняемой коммуникативной функции.

В этой связи целесообразно вспомнить одно из положений Теньера о том, что деление на подлежащее (субъект) и сказуемое (предикат) внесено в лингвистическую теорию из формальной логики и не опирается на языковые факты; сам Теньер, как известно, рассматривал подлежащее в ряду прочих актантов – участников ситуации [Теньер 1988: 121–122]. В ходе нашего анализа выявилось, что за позицией «субъекта» в АЯ скрыт либо пациент, либо адресат; в поверхностной структуре русского НЛП подлежащее вообще отсутствует. В обвинениях в «крайнем вербоцентризме» в адрес Теньера не учитывается различие формально-грамматического и семантического уровней предложения. По мнению Филлмора, «подлежащее» следует интерпретировать лишь как аспект поверхностной структуры и не должно возникать особых волнений по поводу «бесподлежащих» предложений в тех языках, где оно может быть (*например, русском*. – И.Н.), или по поводу тех языков, где вообще отсутствуют сущности, соотносимые с тем, что называется «подлежащим» в нашей грамматической традиции [Филлмор 1981: 395]. Типологическое исчисление кодирования именных групп на материале разноструктурных языков убедительно доказывает, что подлежащее не является универсальной языковой категорией [Кибрик 2003: 104–158].

Полученный в результате нашего исследования вывод неизбежно вызывает еще один вопрос: каким образом в современном РЯ сосуществуют две семантически однозначные конструкции? В чем заключается различие между предложениями *Задачу решали* (1) – *Задача решалась* (2)? Сводить все к различиям функционально-стилистического порядка – употребление в бытовой, разговорной речи (1) или в научной литературе и деловой документации (2) – представляется не совсем правомерным.

В традиционной русистике принято считать, что в НЛП, как и в других «односоставных» предложениях, подлежащее отсутствует, однако имеется и точка зрения, согласно которой в примерах типа (1) усматривается нулевое подлежащее, обозначающее ту среду, референция к которой делает предложение истинным или ложным, ср.: «в НЛП имеется подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица – *третьличный* нуль, который... может относиться в дискурсе не только к множеству лиц, но и к заведомо единичному лицу» [Падучева 2012: 28–30]; «нулевой» агенс, который «семантически однозначно вычисляется», присутствует в структуре как (1), так и (2), причем «вторая является полным (с точностью до залога и прагматики) коррелятом первой» [Плунгян 2011: 193]. Предста-

вители когнитивной лингвистики придерживаются противоположного мнения: «По-видимому, нет никаких оснований полагать, что такое предложение, как *The box was emptied* (Ящик был опорожнен), имеет в своей семантической структуре агент или что предложение *David was seen* (Дэвид был замечен) содержит экспериенцер, отсутствие которых в поверхностной структуре является лишь результатом постсемантического устранения. Гораздо лучше со значениями этих предложений согласуется мысль, что в их семантических структурах с самого начала не было агента или экспериенцера» [Чейф 1975: 251].

Двучленный пассив нередко сравнивают с эргативной конструкцией, которая является наглядным примером «ролевого» кодирования: в случае наличия единственного участника ситуации ему приписывается роль пациента. Эргативная конструкция, рассматривающая действие со стороны пациента, соответствует мышлению, для которого предметы сами по себе являются инертными [Кацнельсон]. Таким образом, не только подлежащее (элемент поверхностной структуры) не является языковой универсалией, но и роль агенса (семантический актант) нельзя считать универсальным концептом.

Вместе с тем толкование семантики «подразумеваемого» агенса в пределах конкретного языка (языков) целесообразно для выявления тонких различий в референциальной и дейктической сферах (см. градацию выше). «Нулевое» подлежащее НЛП по аналогии с неопределенно-личными местоимениями *man* (нем. яз.) или *on* (фр. яз.) всегда обозначает лицо, причем не просто одушевленное лицо, животное, а именно человека. Так, фраза *За окном мяукали* означает, что звук, свойственный кошкам, издавали люди [Падучева 2012: 29]. (Ср.: *Man singt* уже в старых грамматиках связывали исключительно с человеческой деятельностью, а не с пением дроздов или прочих певчих птиц [Willmanns 1906: 303]). Что же касается пассива, то «референтом отсутствующего, но подразумеваемого агенса, может быть и человек, и животное, и стихийная сила», ср.: *Лодка была опрокинута*, в отличие от НЛП *Лодку опрокинули* (неопределенное лицо, люди) [Храковский 2004: 514].

Отмеченное отличие на референциальном уровне было проанализировано в нашем материале. Как известно, произведение Дж. Оруэлла “Animal Farm” – аллегория и основные действующие лица – животные, живущие на ферме, – персонифицированы. Поэтому по отношению к ним НЛП используется в тексте перевода как основное средство, например:

The animals entered in single file, walking with the utmost care for fear of disturbing anything...

Otherwise nothing in the house was touched. A unanimous resolution was passed on the spot that the farmhouse should be preserved as a museum. (14) – Осторожно, чтобы не поломать что-нибудь, животные вошли в дом друг за другом... Больше в доме ничего не трогали. Тут же единогласно приняли резолюцию превратить господский дом в музей. (243)

Интересно, что в тексте-оригинале в качестве грамматического средства олицетворения животных выступают гендерные местоимения *he* и *she*, которые могут быть референтом лиц, соответственно, мужского и женского пола (для замещения неодушевленных предметов и названий животных используется местоимение *it*):

Benjamin was the oldest animal on the farm, and the worst tempered. He seldom talked, and when he did it was usually to make some cynical remark. (2) – Бенджамин был старейшим четвероногим скотного двора и обладал самым скверным характером. Он редко заговаривал с кем-нибудь, но уж если это случалось, обязательно отпускал какое-нибудь циничное замечание. (238)

В отличие от *he* и *she*, местоимения *он* и *она* в РЯ не обладают смысловозначительной силой «человек – животное /предмет», и, следовательно, переводчик использует НЛП как компенсаторное грамматическое средство.

В тех случаях, когда за «нулевым» агенсом в ПК скрывается природная стихия, в качестве эквивалента перевода в РЯ используется тоже пассив, ср.:

Finally there came a night when the gale was so violent that the farm buildings rocked on their foundations and several tiles were blown off the roof of the barn. In the morning the animals came out of their stalls to find that the flagstaff had been blown down and an elm tree at the foot of the orchard had been plucked up like a radish. (47)

– В одну из ночей был такой сильный ветер, что постройки фермы шатались на фундаментах и несколько черепиц сорвало с крыши амбара. Утром, выйдя во двор, животные увидели, что флагшток повален, а вяз в саду вырван с корнем, как редиска. (266)

В процитированном примере следует обратить внимание еще на одно предложение в тексте перевода: *несколько черепиц сорвало с крыши*, которому в оригинале соответствует ПК: *several tiles were blown off the roof*. Одна из точек зрения на природу безличных оборотов типа «течением унесло паром», «ветром сорвало крышу» связывает их происхождение с эргативным прошлым РЯ, как некий рудимент или результат развития эргативной конструкции [Кацнельсон]. Филлмор говорит относительно эргативных языков, что «в

них отсутствуют процессы образования подлежащего» [Филлмор 1981: 456].

В качестве примеров «остатка» эргативности в современном РЯ приводят конструкции с переходными и непереходными глаголами в русских говорах (*У меня с собой денег взято; В лесу исхожено*), в разговорной речи (*У меня в комнате убрано*) и канцеляристы (*Нами было принято решение*). Автор концепции «альтернативных грамматик» Ю. А. Левицкий полагает, что «современный говорящий человек использует в своей речи не только “правильные” формально-синтаксические конструкции, но и всевозможные “реликтовые” структуры, хранящиеся в его памяти с раннего детства, а в памяти человечества – с первобытных времен» [Левицкий 2007: 117]. И. Бехерт говорит о «расщепленной эргативности» (split ergativity), т. е. соединении эргативной и номинативной систем в одном и том же языке, причем одной из составляющих сферы влияния является иерархический ранг именных групп [Бехерт 1982: 416]. К категориям эргативной системы он, в частности, относит: «неопределенную именную группу», «множественное число», «прямое дополнение», «пациенс», «страдательный залог» [там же: 429]; нетрудно заметить, что первые характеризуют НЛ-предложение, последнее – ПК.

Наконец, существует еще одно отличие ПК от НЛ-предложения: в дейктической сфере. Подразумеваемым агенсом двучленной ПК может быть любое лицо, включая говорящего: «Объяснять мне почти нечего, товарищ старший лейтенант, – сказал Иван... – Все, что написано в объяснительной записке, – правда.» (А. Ким) [Храковский 2004: 514]. Напротив, «третьеличный нуль» НЛП, как правило, исключает говорящего из потенциального множества лиц, которые имеются в виду:

*Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно... (Пушкин) [Падучева 2012: 33].*

В качестве особого случая Падучева приводит примеры, когда подразумеваемым референтом «третьеличного нуля» является именно говорящий: *Вставай, кому говорят! Тебя просят!*; здесь «ситуация намеренно концептуализуется таким образом, что говорящий отказывается от своей выделенной позиции в акте коммуникации и скрывается за неким неопределенным лицом» [Падучева 2012: 34].

Как показал наш анализ, признак «исключение говорящего» не распространяется на НЛ-предложения, содержащие глаголы с модальными значениями:

After much thought Snowball declared that the Seven Commandments could in effect be reduced to a single maxim, namely: "Four legs good, two legs bad". (21) – Крепко подумав, Снежок объявил, что Семь Заповедей можно запросто свести к единому правилу, а именно: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо». (248) → ... можно, по его мнению, запросто свести ...

Исходя из «прагматических соображений», а именно в виду различий на референциальном и дейктическом уровне, В. С. Храковский предлагает рассматривать НЛ-предложения как (производную) пассивную диатезу двусоставного предложения: *Рабочий разбил стену → Стена была разбита (рабочим) → Стену разбили* [Храковский 2004: 515]. С этим выводом не согласуются результаты трансформационного анализа ПК, предпринятого Е. В. Падучевой, благодаря которому были выявлены различного рода ограничения, действующие при образовании ПК от активной конструкции: лексические (семантика глагола), морфологические (дефектность глагольной парадигмы), синтаксические [Падучева 1974: 229–230].

Точно так же существуют разные точки зрения на актив и пассив в плане диахронии. Филлмор, ссылаясь на исследования Куриловича, Шухарда и Уленбека, высказывает предположение о том, что для предложений с переходным глаголом ПК представляет собой более примитивную стадию в процессе эволюции языка, чем актив; одно из свидетельств этому – характеристика индоевропейского языка как языка эргативного строя [Филлмор 1981: 456]. Действительно, «грамматическая реконструкция индоевропейского эргатива... была осуществлена на основании сравнения форм внутри самого индоевропейского праязыка и их соотношения с типологией других языков» [Иванов 1988: 5]. Вместе с тем интересное наблюдение сделал Ю. С. Степанов: «Категория неопределенности личности и пассив имеют точки соприкосновения – первая переходит во вторую – в разных языках». Так, в латинском языке для выражения множества субъектов-лиц использовался суффикс -*g*, напр.: *Vitam vivitur* (букв. *Живут свою жизнь*). Постепенно объект в вин. падеже начинает осознаваться как субъект, но не активного, а пассивного предложения: предложение безличное активное превращается в личное пассивное; *Vitam vivitur > Vita vivitur* (*Жизнь проживается*) [Степанов 1998: 273].

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Двучленная пассивная конструкция и НЛ-предложение являются семантически изоморфными конструкциями:

- на уровне ролевой структуры;
- на коммуникативном уровне;
- в референциальной сфере, если за «нулевым» агенсом ПК скрывается одушевленное лицо – человек;
- в дейктической сфере при условии, что «нулевой» агенс ПК исключает говорящего (это ограничение не распространяется на конструкции с модальной семантикой).

2. Модальные слова *можно, нужно, следует, необходимо* и т.п. в сочетании с инфинитивом являются полувспомогательными глаголами, образующими составное глагольное сказуемое, и выступают как семантические эквиваленты структур «модальный глагол + пассивный инфинитив». Таким образом, в РЯ можно говорить о корреляции «безагентных» структур двух типов:

(1) *Задачу решали. – Задача решалась.*

(2) *Задачу можно было решить. – Задача могла быть решена.*

Вторая пара предложений отличается от первой «семантическим приращением» модальности, а также возможностью включения говорящего в потенциальный круг референтов скрытого агенса.

3. Категория неопределенности личности и пассив имеют точки соприкосновения в диахроническом аспекте, их происхождение и развитие тесно связаны с проблемой эргативных языков. Наличие «бесподлежащих» предложений и большое количество безличных оборотов в русском языке свидетельствуют о том, что он в большей мере, чем английский язык, сохранил «рудименты» доминативного синтаксиса.

Список источников

Булгаков М.А. Собачье сердце: Роман. Повести. Рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 290–389.

Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор / пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина. Пермь: Изд-во «КАПИК», 1992. С. 231–300.

Bulgakov M. The Heart of a Dog / transю from the Russian by M. Glenny. L.: The Harvill Press, 1999. 128 с.

Orwell G. Animal Farm. L.: Penquin Books, 2000. 113 p.

Список литературы

Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1979. 254 с.

Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // НЗЛ. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. С. 411–432.

Звегинцев В.А. Новые черты современного языкознания (вступительная статья) // Новое в

лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. IV. С. 381–399.

Иванов Вяч. Вс. Современное индоевропейское сравнительно-историческое языкознание // НЗЛ. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXI. С. 5–23.

Кацнельсон С. К генезису номинативного предложения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/KACNELSON36/Intr.html> (дата обращения: 25.04.2014).

Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 720 с.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 543 с.

Левицкий Ю. А. Альтернативные грамматики. Пермь: Пресстайм, 2007. 144 с.

Некрасова И. М. Семантика и функции немецкого пассива (в сопоставлении с русским и английским языками): дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000. 162 с.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с.

Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне семантики и синтаксиса // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 82–107.

Падучева Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. №1. С. 27–41.

Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. 597 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

СРЯ-1964 – *Современный русский язык*. Ч. II (Морфология. Синтаксис). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 638 с.

СРЯ-1986 – *Современный русский язык*. М.: Просвещение, 1986. 336 с.

Степанов Ю. С. Личности – безличности категория // БЭС «Языкознание». М.: Большая Рос. энциклопедия, 1998. С. 272–273.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Филлмор Ч. Дело о падеже // НЗЛ. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 369–495.

Храковский В. С. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы – испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школы: сб. ст. М.: Изд. дом «Знак», 2004. С. 505–519.

Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 428 с.

Daneš D. A Three-Level Approach to Syntax. Travaux linguistiques de Prague 1. Academia Prague, 1964. С. 221–240.

Willmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch-, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. III. Abteil., 1. u. 2. Aufl. Strassbourg, K.I.Trübner, 1906.

References

Arakin V. D. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov [The contrastive typology of English and Russian]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1979. 254 p.

Bekher I. Ehrgativnost' kak iskhodnyj punkt izuchenija pragmaticheskoj osnovy grammaticheskikh kategorij [Ergativity as a starting point of analysis of pragmatic basis of grammar categories]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The news in the foreign linguistics]. Vol. XI. Moscow, Progress Publ., 1982. P. 411–432.

Chafe W. Meaning and the Structure of Language. Moscow, Progress Publ., 1975. 428 p.

Fillmore Ch. Case Grammar. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The news in the foreign linguistics]. Vol. X. Moscow, Progress Publ., 1981. P. 369–495.

Ivanov V. V. Sovremennoe indoevropskoe sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The news in the foreign linguistics]. Vol. XXI. Moscow, Progress, 1982. P. 5–23.

Kacnelson S. K genezisu nominativnogo predlozhenija [About the origin of the nominative sentence]. Moscow; Leningrad, Edition of the Academy of Sciences of the USSR, 1936. Available at: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/KACNELSON36/Intr.html> (accessed: 25.04.2014).

Khrakovskij V. S. Konzepcija diatez i zalogov (iskhodnye gipotezy – ispytanije vremenem) [The Conception of Diathesis and Voices (starting hypothesis – the test of time)]. 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologicheskoj shkole: sb. statej [40 years of the St. Petersburg typological school: collection of articles]. Moscow, Znak Publ., 2004. P. 505–519.

Kibrik A. E. Konstanty i peremennye jazyka [Constants and variables of the language]. St. Petersburg: Aleteja, 2003. 720 p.

Levickij Y. A. Alternativnye grammatiki [Alternative grammars]. Perm: Presstajm Publ., 2007. 144 p.

Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Moscow, Progress, 1978. 543 p.

Nekrasova I. M. Semantika i funkcii nemeckogo passiva (v sopostavlenii s russkim i anglijskim jazykami): dis. ... kand. philol. nauk. [Semantics and functions of the German passive (in comparison to the Russian and English languages: PhD philol. sci. diss.) Perm, 2000. 162 p.

Paducheva E. V. Kommunikativnoje vydelenie na urovne semantiki i sintaksisa [The communicative accentuation on the syntactic-semantics level].

Semiotika i informatika [Semiotics and Computer Science]. 1998. Vol. 36. P. 82–107.

Paducheva E. V. Neopredel'jonno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyj subjekt [Russian generic construction and its implied subject]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 2012. No 1. P. 27–41.

Paducheva E. V. O semantike sintaksisa [About the semantics of syntax]. M.: Nauka, 1974. 292 s.

Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russian Syntax from scientific point of view]. Moscow, 1956. 597 p.

Plungjan V. A. Vvedenie v grammaticheskuju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira [Introduction to the grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2011. 672 s.

Potebnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From the Proceedings of the Russian Grammar].

Vol. IV. The Verb. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1977. 406 p.

Sovremennyj russkij jazyk [Modern Russian Language.]. Part II (Morfologija. Sintaksis [Morphology. Syntax]). Moscow, Moscow University Edition, 1964. 638 p.

Sovremennyj russkij jazyk. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1986. 336 p.

Stepanov Y. S. Lichnosti – bezlichnosti kategorija [The Category of Personality – Impersonality]. Encyclopedia “Jazykoznanie”. Moscow, Bol'shaja Rossijskaja ehnciklopedija Publ., 1998. P. 272–273.

Tesnière L. Elements of Structural Syntax. Moscow, Progress Publ., 1988. 656 p.

Zvegincev V. A. Novye cherty sovremennogo jazykoznanija [The new features of modern linguistics]. *Novoe v lingvistike* [The news in linguistics]. Vol. IV. Moscow, Progress Publ., 1965. P. 381–399.

“NON-AGENT” CONSTRUCTIONS: THE CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE DEEP SEMANTIC STRUCTURE

Irina M. Nekrasova

**Associate Professor in the Department of Foreign Languages
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

Cognitive linguistics deals with the semantic units as elements of the language structure which underlie the mental process. A considerable progress has been made lately in the field of lexical semantics, whereas the cognitive approach to syntax remains a less investigated area. The article presents the results of the analysis of the deep semantic structure, namely the passive form in English and the generic construction (with a dropped subject) in Russian, which greatly differ in their abstract structure of configuration. Ch. Fillmore's case grammar, W. Chafe's semantic theory and A. Kibrik's cognitive typology can be regarded as a base for investigation of the “underlying” semantic relations from a contrastive point of view. The investigation comprises 4 levels: thematic relations, topic-comment structure and pragmatic factors – reference (person / animal / thing) and deixis (the speaker /the third person). The first level shows the semantic roles of the participants, which can be either a patient or a recipient but in both cases can be characterized as “non-agent”; in Russian it is represented by the syntactic position of the object in the form of any objective case. Level 2 describes the information structure; the initial position of the “non-agent” – a subject in the passive sentence and an object in the Russian generic construction – corresponds to the communicative function of the topic or theme. The pragmatic factors help to highlight subtle distinctions between the passive form and the generic construction from a contrastive point of view as well as within the Russian language, including the sentences with so called “impersonal” modal verbs. Special attention is paid to the fact that neither subject nor agent can be considered language universals as they correlate mainly with nominative-accusative languages. The problem of “non-agent” constructions is closely connected to ergative languages, in which the single argument behaves like a patient. Therefore, the contrastive linguistics approach brings to light 1) the similarity of the “non-agent” constructions, which greatly differ in their surface structure; 2) the subtle distinctions in pragmatic factors between them; 3) their connection to the “ergative past” of Indo-European languages, Russian preserving its rudiment features to a greater extent than English.

Key words: cognitive science; contrastive linguistics approach; underlying (deep) sentence structure; passive form; Russian generic construction (with a dropped subject); semantic role of patient/recipient; thematic relations; topic-comment structure; pragmatic reference; deixis, ergativity.